

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
Факультет гуманитарных и социальных наук
Кафедра социальной философии

УТВЕРЖДАЮ
Зав. кафедрой
социальной философии
М.Л. Ивлева _____

« ____ » _____ 20 ____ г.

КУРСОВАЯ РАБОТА

на тему:

«Искусство и самоубийство»

030100 «ФИЛОСОФИЯ»

Бакалавр

Разработчик:
Студент группы: ГФб-
Студенческий билет №:1032172482
ФИО Перепелкина Ксения Олеговна
« ____ » _____ 20 ____ г.

Научный руководитель:
к.ф.н., доцент кафедры социальной
философии Ф. В. Тагиров

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Искусство и его влияние на самоубийства.....	5
Глава 2. Философское и логическое самоубийства.....	15
Заключение	22
Список использованных источников.....	24

Введение

В наши дни человека повсюду окружают предметы, имеющие отношение к искусству. На стенах наших квартир висят картины, на столе стоит в рамочке чья-то фотография, мы смотрим кино, слушаем музыку, читаем, танцуем, поем. Абстрагироваться практически невозможно, да и бессмысленно. Вся наша жизнь, от прочитанной книги до просмотренной рекламы, фильма тесно связана с искусством. Разумеется, оно на нас влияет, в большей или меньшей степени.

Философия с ним тоже неразрывно связана, и речь идет не только о литературе. Вглядываясь в картины, слушая музыку, смотря кино, мы погружаемся в мысли авторов, пытаемся уловить их настроение и понять послание для нас, зрителей. Уловив, мы его принимаем или не принимаем, зачастую неосознанно. Неужели просмотренный легкий сериал влияет на нас так же сильно, как прочитанная сложная и глубокая книга? Можно ли сказать, что все, что мы видим вокруг нас, формирует наше отношение к жизни и особенно к смерти, самоубийству?

Проблема, которую я рассматриваю, актуальна потому, что с каждым днем количество произведений и авторов увеличивается, и, соответственно, важно понимать, каким именно образом то, что мы читаем, смотрим и слушаем, влияет на нас и наше миропонимание. Часто, не найдя ответов в новых творениях, мы обращаемся к классической литературе и философии. Философское и логическое самоубийство, рассматриваемые А. Камю и Ф. М. Достоевским могут помочь нам сформулировать ответ на вопрос «Почему люди совершают самоубийство?», а вместе с этим и приблизить нас к пониманию того, какую роль в этом играет искусство. Но проблемы философского и логического самоубийства, поставленные этими авторами, на самом деле задают даже более глубокий вопрос: «Есть ли что-то страшнее физической смерти?», и дают на него ответ. Камю подробнейшим образом

рассматривает проблему суицида в «Эссе об абсурде», где рассуждает так же и о позиции Достоевского.

Объект моего изучения – искусство. **Предмет** – произведения искусства разных эпох, так или иначе затрагивающие тему самоубийства, понятие философского и логического самоубийств.

Цель моей работы – рассмотреть, как человек воспринимает искусство и как оно на него влияет, особенно на принятие решения о добровольном уходе из жизни. Проанализировать, что видят в качестве причины самоубийства Камю и Достоевский, сравнить их теории философского и логического самоубийств.

Задачи: 1. Изучить восприятие и влияние искусства на человека по книге У. Эко «Отсутствующая структура», поскольку она позиционируется самим Эко как введение в семиологию и рассматривает с точки зрения знаков и информационного содержания многие аспекты искусства. Выяснить, как влияние искусства на людей проявляется в жизни, уделяя особое внимание произведениям, заостряющим внимание на самоубийствах.

2. Рассмотреть понятие «философское самоубийство» в «Эссе об абсурде» и сравнить его с «логическим самоубийством», рассмотренным в «Бесах» и «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевским. Сопоставить полученную информацию с выводами, полученными в первой главе.

Метод моего исследования – социально-исторический анализ произведений, компаративный анализ понятий.

Теоретическая база моего исследования – это работы У. Эко, А. Камю, Ф. Достоевского, Ж. Бодрийяра, Д. Веннера.

Степень разработанности проблемы – высокая, о влиянии искусства на самоубийства задумывались давно. Особенно остро этот вопрос встал в связи с выходом книги Гете «Страдания юного Вертера». Масштабное исследование феномена связано с именем американского социолога Д. Филлипса, предложившего термин «эффект Вертера».

Глава 1. Искусство и его влияние на самоубийства.

Сложно не назвать тему, которую так или иначе не освещали в искусстве: тут и поиски себя, справедливость и несправедливость, жизнь разных слоев общества, духовное и физическое развитие и деградация, счастье и отчаяние. Наряду с другими остросоциальными темами, смерть и самоубийство рассматриваются в творениях разных авторов очень и очень часто. Можно объяснить данный феномен с точки зрения психологии: мы иногда тянемся к тому, что нас пугает, а может быть, мы наоборот, не боимся и стремимся это показать. Можно объяснить это драматическим приемом. Меня интересует, насколько глубоко на нас может повлиять увиденное, услышанное, прочитанное. Как мы воспринимаем искусство, и не может ли самоубийство, например, Ромео и Джульетты, в критический момент тоже подтолкнуть нас свести счеты с жизнью?

Взглянем на искусство, как на данные, которые автор вкладывает в свое произведение. Для начала, стоит ответить на вопрос, как мы вообще воспринимаем информацию.

Человек воспринимает информацию, как форму, которую он должен наполнить смыслом, иными словами, провести означивание. Символ по отношению к вещи состоит в отношениях референции, то есть, он сообщает адресату некую информацию: «Тот, кто говорит слово «собака», думает о собаке, а у того, кто это слово слышит, рождается в голове образ собаки»¹. Однако интересно то, что у каждого человека в голове слова вызывают разные образы, и даже если люди между собой похожи, очень велика вероятность того, что образы эти будут отличаться. В повседневном общении такая разница практически не важна, главное, что вы друг друга понимаете, но вот если задуматься о творчестве, например, то идея одинаковых образов в голове у людей вызывает примерно такое же ощущение, как если бы мы читали антиутопию. Вместо отдельных личностей мы получаем толпу роботов, не

¹ Эко У. Отсутствующая структура. Санкт-Петербург, 2006. С. 63

способных создать что-то оригинальное. Именно разность образов, которые мы воспринимаем, даёт нам возможность создавать непохожие произведения. Взять, например, «Божественную комедию». Карту Ада строили многие, и, хоть текст один и тот же, внешний вид у них разный. Одна из самых известных, разумеется, получилась у Боттичелли. В противовес ей - недавно появившаяся интерактивная версия, где стиль рисования больше похож на детский мультик. Обе они имеют право на жизнь и по-своему отражают то, что было в тексте.

Человек передает информацию не только с помощью слов и текста, но и с помощью визуальных изображений. Как мы воспринимаем их?

В своей книге «Отсутствующая структура», в разделе «Визуальные коды», Умберто Эко выдвигает вопрос, можно ли вообще считать визуальные изображения знаками. На этот счёт мнений несколько: во-первых, визуальный код можно не считать знаком вообще, но в этом случае само понятие знака теряет часть своей глубины и становится исключительно лингвистическим достоянием. Во-вторых, можно не считать изображение знаком, но анализировать его, тем не менее, с помощью лингвистических инструментов. В семиологии же понятия «код» и «сообщение» включают, но не исчерпываются близкими по значению лингвистическими терминами, к тому же, не все феномены можно объяснить исключительно с позиции лингвистики. Именно такой подход и позволяет ей подводить одно основание под разные формы коммуникации².

Существует два вида знаков, которые вызывают споры по вопросу отнесения визуальных кодов в раздел знаков. Первый вид – это индексальные знаки, которые привлекают внимание к означаемому безотчетным образом, то есть не напрямую. Например, если мы видим на своей одежде пятно, мы понимаем, что что-то на неё было пролито. Если мы наблюдаем зарю, мы понимаем, что начинается новый день. Распознавание таких знаков происходит на основе прошлого опыта и с помощью ассоциаций.

² Эко У. Отсутствующая структура. Санкт-Петербург, 2006. с. 151.

С иконическими знаками дела обстоят сложнее. Эко говорит: «Иконические знаки воспроизводят некоторые условия восприятия объекта, но после отбора, осуществленного на основе кода узнавания, и согласования их с имеющимся репертуаром графических конвенций»³. В качестве примера иконического знака можно привести рекламу, например, мороженого. Когда мы видим рожок на фотографии, наш мозг автоматически отбирает те ассоциации, которые, по его мнению, подходят к данной ситуации, и мы, сами того не осознавая, вспоминаем вкус, запах, холодок. Реклама воспроизвела для нас условия восприятия мороженого. Однако это не всегда обязательно. Если взять ручку и нарисовать птицу, даже не стараясь, даже одной линией, мы все равно ее в этом силуэте узнаем. Никаких условий для восприятия птицы нет, но мы знаем, как они выглядят и распознаем их в наброске.

Художники, писатели, музыканты, скульпторы, фотографы, кинорежиссеры вкладывают в свои творения информацию и зашифровывают ее различными методами. Мы, зрители, стараемся считать эту информацию, разгадать метафору, найти ключ к тайне произведения. Это подогревает наш интерес и заставляет возвращаться к произведению снова и снова за новыми смыслами. Но как мы выяснили ранее, у каждого человека свой опыт, понимание и видение мира. Можно ли вообще до конца понять, что хотел нам сказать автор?

За свою многолетнюю историю человечество накопило огромное количество информации. Было создано великое множество кодов, структурирующих эти знания, и чем дальше человечество развивается, тем больше кодов создается и отмирает. Коды – это то, от чего невозможно абстрагироваться при создании чего угодно. Поэтому мы будем видеть в произведении эти коды, и скорее всего, сможем понять автора.

Итак, получается, что даже если мы поймем не до конца, и что-то от нас ускользнет, все равно мы уловим общий смысл, благодаря кодам, и сможем

³ Эко У. Отсутствующая структура. Санкт-Петербург, 2006. с. 160.

уже сформировать свое отношение к произведению. И в этом случае очень большую роль играет субъективное «нравится» или «не нравится». Жан Бодрийяр в «Символическом обмене и смерти» говорит о кино, что восприятие человека фрагментируется постоянно сменяющимися кадрами, которые стимулируют на каждый из них говорить себе «да» или «нет»⁴. Задумываешься об этом, и вдруг понимаешь, что практически весь окружающий тебя мир, в том числе и искусство, работает по такому принципу. Это оправдывает и критику – «не нравится», реже - «и вот почему: ...», и похвалу. Но значит ли это, что мы будем воспринимать лишь те идеи, что были в тех произведениях, что пришлись нам по нраву? Вовсе нет. Банальная ситуация, происходившая с каждым: цепляется случайно услышанная, не обязательно нравящаяся мелодия, и долгое время играет в голове. Или запоминается сюжет какой-нибудь книги, которая, может, и не произвела сильного впечатления, но почему-то отпечаталась в памяти.

Очень многие идеи приходят к нам неосознанно, с просмотренным кино или прочитанной статьей, а потом неожиданно всплывают в памяти. Мы, тем временем, задаемся вопросом, откуда это взялось. Но влияние может быть и намного глубже, недаром некоторые произведения оставляют в нас очень глубокие следы. Иногда даже слишком глубокие.

От СМИ часто требуют не описывать в подробностях самоубийства, чтобы у зрителей не было повода идентифицировать себя с погибшим. Чем меньше деталей, тем меньше вероятность подражательных самоубийств. Вспыхивающие после публикаций этих сенсационных материалов волны суицидов – подтверждение того, что проблема существует.

На самом деле история открытия этого феномена связана с романом Гете «Страдания юного Вертера», в конце которого главный герой по причине несчастной любви совершает самоубийство. После выхода, книга завоевала невероятную популярность и затем была запрещена в нескольких странах,

⁴ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. Москва, 2015. с. 135.

поскольку вызвала волну подражательных самоубийств. Феномен получил название «Эффект Вертера», в 1974 название ввел в обиход американский социолог Д. Филлипс.

Сначала считалось, что повышенное количество самоубийств появляется только среди подростков, но потом была замечена взаимосвязь между возрастной группой и другими признаками, например, профессией самоубийцы и подражателей. Такое, впрочем, необязательно. Спусковым механизмом может так же стать смерть какой-нибудь знаменитости, например, в течение месяца после гибели Мерлин Монро, на себя наложили руки еще 303 человека⁵.

СМИ обвиняли в неправильной подаче материала, когда они освещали смерть актера Робина Уильямса, в результате которой количество самоубийств в США повысилось на 9,9%. Ситуация была намного более стабильной после смерти Курта Кобейна, поскольку в рассказах избегали прямых подробностей и размещали телефоны доверия⁶.

Никто не может запретить СМИ рассказывать о самоубийствах, однако власти многих стран, и России в том числе, стали принимать законы о том, как стоит освещать тему суицида в новостях и интернете. У нас стали блокировать сайты, на которых есть прямой призыв к самоубийству, выставление самоубийства, как способа решения проблемы.

В 2016 году после статьи «Группы смерти» в «Новой газете»⁷, о проблеме подросткового суицида заговорили с оттенком паники. В материале рассматривалось влияние сообществ со специфическим контентом в социальных сетях на суицидальные наклонности молодежи. Статья вызвала неоднозначную реакцию, потому что при ее написании были нарушены

⁵ Суходолов А.П., Бычкова А. М. Освещение суицидальной тематики в средствах массовой информации в свете правовых ограничений и социальной значимости проблемы - Вопросы теории и практики журналистики, №4, 2016.

⁶ Новости о смерти знаменитостей увеличили число подражательных суицидов, 2018. <https://naked-science.ru/article/psy/novosti-o-smerti-znamenitostey> (последняя дата обращения: 30.05.2020)

⁷ Мурсалиева Г. Группы смерти (18+), 2016. <https://novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18> (последняя дата обращения: 30.05.2020)

многие правила журналистского расследования, однако поднялась так же и волна истерии, в связи с которой в дело вступил Роскомнадзор⁸, занявшийся удалением подобных сообществ из интернета.

В статье, помимо манипулирования подростками со стороны администрации групп и запугивания в качестве одной из причин подросткового суицида рассматривается специфический контент. Это могут быть фотографии, картинки, видео и музыка депрессивного содержания, в которых нет прямого призыва к самоубийству, но есть максималистские рассуждения о смерти. Постоянный просмотр такого контента приравнивался к одной из причин суицида. На деле нельзя с точностью определить, подписался человек на сообщество из-за депрессивного настроения, или наоборот, сначала подписался, а потом пошли мысли о самоубийстве.

Таким образом получается, что иногда сенсационные материалы приводят к тому, что в интернете начинают блокировать все, в теории содержащее призыв к самоубийству. Под разгоряченную руку цензуры могут попасть не только группы с сомнительным контентом, но и фильмы, книги, музыка, аниме. Что, изображать самоубийства в произведениях искусства теперь нельзя, а все, что поднимает эту тему, стоит изъять из всеобщего доступа? Разумеется, нет. Так мы потеряем очень многие шедевры: «Le Suicidé» Эдуарда Мане, оперу Мусоргского «Хованщина», «Грозу» Островского, «Ромео и Джульетту» Шекспира, «Общество мертвых поэтов» режиссера Питера Уира и многие другие замечательные вещи. Тема самоубийства коснулась каждого раздела искусства. Однако, отрицать наличие действительно специфических книг, фильмов, музыки, направленных на подростковую аудиторию, разумеется, нельзя. Например, несколько лет назад на прилавках магазинов появилась книга С. Крамер «50 дней до моего самоубийства», и основой для сюжета в ней выступала история о том, как

⁸ Роскомнадзор проверит факты из статьи «Новой газеты» о самоубийствах школьников, 2016. <https://meduza.io/news/2016/05/16/roskomnadzor-proverit-fakty-iz-stati-novoy-gazety-o-samoubiystvah-shkolnikov> (последняя дата обращения: 29.05.2020)

девушка, которую совершенно не устраивает ее жизнь, решает прожить еще 50 дней, ища причину жить, и, если поиск не увенчается успехом, наложить на себя руки. Книга вышла незадолго до скандальной статьи «Новой газеты», где цитаты из нее приводились в качестве примера того самого депрессивного контента. Книгу переиздали под новым названием «50ДДС».

Еще одним примером такого творчества является небезызвестный сериал «13 причин почему», в основе сюжета которого лежит история девушки, которая уже убила себя, но перед этим записала на кассеты 13 аудиозаписей, обвиняя в своей смерти 13 человек. Сцена самоубийства показана без цензуры.

Если произведения, которые я упоминала раньше, не относятся конкретно к подросткам, то эти относятся, и помимо них существует невероятное многообразие кино, книг, музыки, специально заточенных под подростковую аудиторию, в которых поднимается тема самоубийства. И, как мы выяснили, преподнести это можно по-разному.

Будучи подростком, едва ли не каждый рано или поздно задаётся вопросом «А что, если меня не будет?». При этом, такие мысли не всегда повод для паники. В подростковом возрасте начинают закладываться более взрослые взгляды на многие основополагающие понятия, в том числе на смерть и самоубийство.

Альбер Камю в «Эссе об абсурде» рассуждает о самоубийстве, как о неотъемлемом вызове абсурдного мира. Драма людей в том, считает Камю, что они пытаются придать смысл существованию, хотят научно его обосновать и не могут. Если бы мир стал понятным для человека, то к самоубийству бы не прибегали. Но осознание абсурда не есть толчок к смерти. Впрочем, иногда люди предпочитают прекратить борьбу, не разрешить абсурд, а заставить его исчезнуть, что является прямым следствием самоубийства⁹.

⁹ Камю А. Посторонний. Миф о Сизифе. Калигула, сборник. Москва, 2018. С. 160-193.

Самоубийство, каким рисует его Камю, представляется одним из многочисленных ответов на вечные вопросы «Как устроен мир?» и «Зачем мы живем?». Камю преподносит его, как неверный ответ. Достоевский, о взглядах которого философ тоже много рассуждает, тоже не рассматривает самоубийство, как выход, а наоборот, осуждает, как и Камю. Он совершенно не оправдывает тех, кто умирает таким способом, и для своих персонажей не рисует взвешенную, спокойную смерть, посмотреть хотя бы на сцену самоубийства Кириллова из «Бесов».

Можно с уверенностью сказать, что намного более страшным оба мыслителя считают духовное самоубийство. У Камю это философское самоубийство, у Достоевского – логическое. В первом случае человек отказывается от принятия абсурда жизни, во втором – от веры в загробную жизнь, и это приводит к самоубийству в реальности.

Как видно, ни Камю, ни Достоевский, не создают суициду репутацию решения всех проблем, что, к сожалению, не всегда актуально для подросткового искусства.

И все-таки, неужели мы так близко к сердцу принимаем все увиденное? Вернемся к информации и кодам. Следует понимать, что мы не в состоянии придумать что-то принципиально новое, не основанное ни на чем. Даже когда мы отталкиваемся от чего-то, что нам не нравится, оно все равно является отправной точкой для нашей идеи. То, что мы смотрим на окружающий мир под совершенно разными углами – результат множества факторов, в числе которых воспитание, образование, окружающая мир. Таким образом получается, что мы действительно с детства находимся в среде, которая прививает нам, хотим мы того или нет, некоторые коды, а мы усваиваем их на всю жизнь. При этом коды, усвоенные разными людьми, отличаются, не только в пределах мира, страны, района, но и в пределах одной семьи. Именно с заложенными в нас в детстве и далее до самой смерти кодами и связано то, что мы будем с большей вероятностью вычленять из произведений искусства, ведь чаще всего мы цепляемся за то, что каким-то образом нам близко. В этом

и суть искусства, как мне кажется: картина одна, а реагируют все по-разному, и дело не только в уже упомянутых «нравится» и «не нравится», а во внутренних ассоциациях, для каждого человека уникальных.

Я не берусь судить обо всем, что мы видим, но большая часть произведений, как мне кажется, чем-то нам запоминается, ярко или слабо. Где-то мы подмечаем сюжет, где-то цвета, иногда до абсурда – помним интерьер, в котором висит картина, а саму картину не очень. Все очень индивидуально: у кого-то память визуальная, у кого-то слуховая, и помнят лучше то, что хорошо запоминается. Ассоциации, мелкие отрывки воспоминаний из детства – это формирует нас как личности и наше восприятие действительности.

Мне кажется, лучшее, что мы можем сделать, чтобы предотвратить эффект Вертера – это давать самоубийству такую репрезентацию, чтобы из нее нельзя было вычленивать, что это выход, если дело касается искусства, направленного на уязвимые группы – психически нестабильных людей, подростков, представителей дискриминируемых групп. Но проблема, конечно, не только в том, что человек читает или смотрит. Необходимо следить за психическим здоровьем и общим благополучием себя и своих близких, при появлении тревожных симптомов – не бояться просить о помощи. Здоровый человек, живущий в здоровой атмосфере, и приученный говорить о своих чувствах и не бояться идти ко врачу вряд ли воспримет самоубийство на экране, как руководство к действию.

По данным ЮНИСЕФ более 90% подростковых суицидов в России вызваны нездоровой атмосферой в семье¹⁰. На момент 2011 года к депрессии склонны 20% русских подростков, по сравнению с 5% в странах Европы. Интернет в данном вопросе не сильно изменил картину.

На данный момент ситуация по стране в принципе улучшается, с каждым годом процент людей, наложивших на себя руки падает, согласно

¹⁰ Annual Report 2011 for Russian Federation, CEE/CIS, 2011.

https://www.unicef.org/about/annualreport/files/Russian_Federation_COAR_2011.pdf (последняя дата обращения: 29.05.2020)

официальной статистике. Однако при этом растет количество смертей, связанных с так называемыми «повреждениями с неопределенными намерениями», так что говорить о положительной динамике пока рано¹¹.

В целом, как мы поняли, иногда правильная репрезентация самоубийств в новостях, как в случае с Куртом Кобейном, может спасти множество жизней. Искусство не так регламентируется по сравнению с новостями, поэтому здесь намного труднее разделить изображение суицида на безопасное и небезопасное. В конечном итоге все зависит от восприятия, которое у каждого человека свое, сформированное спецификой воспитания, взросления, заложенных в детстве культурных кодов. Одно можно сказать наверняка: если человек здоров, у него нет депрессии и вокруг него благоприятная атмосфера, он вряд ли наложит на себя руки.

Однако это не освобождает от возможности духовного, философского самоубийства, о котором рассказывает Камю, или логического, предложенного Достоевским.

¹¹ Аминов И. Самоубийства и их профилактика в России, 2018 год: основные факты, 2018.
<http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0823/suicide.php> (последняя дата обращения: 30.05.2020)

Глава 2. Философское и логическое самоубийства.

Ярчайший пример произведения искусства, в котором затрагивается тема самоубийства, - «Бесы» Ф. М. Достоевского. Инженер Кириллов, описанный Достоевским, создает для себя некую теорию, которая помогает ему объяснить, почему люди решаются наложить на себя руки.

Теория эта пропитана отрицанием старых устоев. В начале книги герой находится лишь в стадии осмысления своей позиции, но уже тогда заметно, насколько разительно его точка зрения отличается от привычной рассказчику (да и читателю): «Бог есть боль страха смерти. Кто победит боль и страх, тот сам станет Бог. <...> Всякий, кто хочет главной свободы, тот должен сметь убить себя. <...> Кто смеет убить себя, тот Бог»¹². А ведь Достоевский написал свое произведение раньше, чем Ницше заговорил об идее сверхчеловека.

Кириллов позже сам совершает самоубийство, и сцена эта тяжела: он не может собраться с силами четверть часа, до последнего оттягивая момент даже после написания предсмертной записки. Сам он в начале говорит, что человека на этом свете держат страх боли и загробной жизни, то есть причина психологическая и философская, и при этом герой говорит так, что не до конца понятно, что же он сам считает более страшным. Но зато однозначен вердикт окружающих, считающих инженера сумасшедшим.

Вместе с мыслями о суициде, Кириллов и к жизни сформировал определенное отношение, считая ссоры и комические ситуации, в которые он попадает, в основном, из-за бестолкового Липутина, пустяками. Он говорит, что все хорошо, а человек несчастен, потому что не осознает своего счастья. Можно ли назвать инженера оптимистом? Как бы странно это ни звучало, да, именно через его образ ярко видно, как убеждения разума могут не совпадать с тем, что чувствует душа. Отрицая Бога, он в то же время понимает, что Бог необходим, отрекаясь от него, Кириллов говорит, что Бог всю жизнь его

¹² Достоевский Ф. М. Бесы. Москва, 2017. с. 133.

мучил. В этой расколоте сознания его трагедия, и он долго мучается, выбирая, какой путь избрать: разума или души.

Достоевский и сам много рассуждал о жизни и смерти, затрагивая и тему суицида. В «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский рассказывает о предсмертной записке самоубийцы. Изначально эту записку он никак не комментирует, кроме предположения о том, что её автор – материалист.

Самоубийца рассказывает, что, когда он был произведён на свет, никто не интересовался его желанием. Он уверен, что не существует людей, согласившихся родиться. Как человек, он осознал природу, и осознав, наполнился страданием. Он понимает, что страдание необходимо для гармонии, и что сама природа возвещает об этом, а люди превращают эту гармонию в религию, однако заявляет, что он, будучи в здравом уме, ни за что не согласился бы добровольно страдать ради счастья, а предпочёл бы быть счастливым во время своей жизни, и не думать ни о какой гармонии, потому что после его жизни все равно рано или поздно все обратится в прах. Но он не может быть счастлив из-за знания того, что всему придёт конец, кроме того, он не может быть счастлив без гармонии с природой, она сама ему говорит об этом. Однако самоубийца решает, что понять эту гармонию не в состоянии, и потому решает уйти из жизни¹³.

Эту позицию Достоевский называет «логическим самоубийством». Позже он вынужден написать ещё одну статью, где объясняет, что не оправдывает умершего. В самом начале своей записки самоубийца заявляет, что не верит в бессмертие души, а далее, все больше убеждаясь в том, что окружающий мир и люди неидеальны, косны, он приходит к выводу, что существование человека - это полная бессмыслица, и что согласиться на это могут лишь те, чей образ жизни близок к звериному: еда, сон, потомство, гнездо - не более того.

¹³ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. СПб, 2017. с. 224

Сам Достоевский верит в бессмертие души, и потому его позиция отличается от позиции материалиста из «Дневника». Через Кириллова он отчасти демонстрирует, какова жизнь тех, кто пытается откреститься от этого, убеждая себя в собственном атеизме. А ведь конец жизни инженера можно назвать жутким. Таким образом Достоевский как бы говорит, что физическая смерть – это страшно, но духовная смерть, которая иногда приводит к самоубийству – это еще страшнее.

Французский философ-экзистенциалист А. Камю анализирует творчество Достоевского и приходит к выводу, что противостоит абсурду жизни у него даже не столько христианство, сколько вера в загробную жизнь. Однако он не считает творчество писателя абсурдным. Камю говорит, что в нем лишь ставится вопрос об абсурде, и Достоевский дает ответ на этот вопрос, в то время как в абсурдном произведении ответа бы не дали.

«Логическому самоубийству» Достоевского он противопоставляет свою идею – «философское самоубийство». Человек, по мнению философа, устроен так, что он привык анализировать жизнь и подстраивать ее под свою картину мира. Камю полагает, что, когда некто вдруг перестает жить по привычке, лишаясь иллюзий относительно своего существования, он понимает, что жизнь абсурдна. Осознание того, что мир не вертится вокруг людей и в принципе может не поддаваться человеческой логике наталкивает на мысль о том, что жизнь бессмысленна.

Чувство абсурда, по мнению философа, рождается из борьбы человеческого желания понять мир и обрести счастье и ответным молчанием иррациональной действительности. Борьба устраняется, стоит исчезнуть одной из сторон: человек может "сбежать" от мира через иллюзии, алкоголь или наркотики, или самоуничтожиться. Но самоубийство - это не выход, а лишь подтверждение абсурдности жизни, своего рода исключение, подтверждающее правило, о чем и пишет философ в начале своих рассуждений. Из-за самоубийства абсурд исчезает, но не решается.

Для Камю философское самоубийство - это осознать, что жизнь абсурдна, и отвернуться от этого знания, начать отрицать его и вернуться к иллюзиям. Этот подход он так же называет «прыжком веры»¹⁴.

И в случае Достоевского, анализирующего записку погибшего, и в случае Камю, самоубийство выступает ответом на жизненные обстоятельства. Однако в этой теории особняком стоит Кириллов, чье самоубийство можно назвать смертью во имя идеи.

В человеческой истории примеров самоотверженности полно: взять хотя бы стоиков, чьи взгляды на самоубийство вдохновили в свое время не одного известного человека. Один из самых известных примеров – суицид Сенеки, считавшего, что жить стоит, если жизнь устраивает человека, но и наложить на себя руки – значит всего лишь возвратиться туда, откуда пришел, чтобы все стало так, как было до твоего рождения, когда тебя не существовало. Сенека совершил самоубийство в качестве казни, которую ему назначил Нерон. Самоубийство не было исключительно мужской привилегией, к нему прибегла обесчещенная Секстом Тарквинием Лукреция, чья история стала катализатором восстания римлян против монархии¹⁵.

И мы вновь приходим к парадоксальному выводу: нас пугает самоубийство, потому что так построена окружающая нас всю жизнь культура. Корни этого содрогания перед добровольным уходом из жизни лежат не просто в иррациональном страхе смерти, но и в нашей христианской культуре, век за веком убеждающей нас, что у человека нет права решать, жить ему или нет, потому что жизнь дана свыше Богом. Впрочем, подобные настроения относительно самоубийства прослеживаются и в других религиях. С учетом того, что влияние религии на искусство всегда было очень глубоким, не удивительно, что помимо боязни умереть, заложенной в нас древними предками, нас сдерживает так же и повлиявшее на мировоззрение искусство.

¹⁴ Камю А. Посторонний. Миф о Сизифе. Калигула, сборник. Москва, 2018. С. 160-193.

¹⁵ Веннер Д. Самурай Запада. Настольная книга непокоренных. Тотенбург, 2017 г с. 191

Существует немало творений помимо «Бесов» Достоевского и «Эссе об абсурде» Камю, где суицид осуждается. Например, «Божественной комедии» Данте, где самоубийцы обречены на вечные муки и не получают прощения. Но суть, по Данте, не только в том, что согласно христианским догматам самоубийство – страшный грех, самоубийство в принципе пугает, и это ожидаемо.

Возвращаясь к Достоевскому, взглянем еще раз на сцену смерти Кириллова. Она написана так, что становится откровенно тяжело и жутко, это не просто застрелившийся человек, это человек, которому по-настоящему страшно умирать. Другой пример: Катерина из «Грозы» Островского, испытывающая дикий страх перед смертью. Она понимает, что ей предстоит совершить грех, не отступает, но это приносит ей страдания, которые передаются и читателю. Отойдем от русской литературы: Ромео и Джульетта, Вертер и целая плеяда трагических персонажей. Самоубийство может быть торжественным, неприглядным, отчаянным, но оно всегда несет в себе глубокий внутренний флер страха. Этот страх – не просто авторское видение, он объединяет всех людей каким-то темным, потаенным ужасом, и в то же время манит заглянуть за грань.

Так чем же Лукреция, Сенека, Катон, Сократ и другие отличаются от нас теперешних, от Катерины, Вертера, Кириллова? Восприятием. Их поистине потрясающая стойкость перед лицом конца поражает неподготовленного зрителя. А между тем, стоицизм, да и не только стоицизм, призывает нас смотреть на жизнь философски, как на временное явление, ведь мы не вечны, и все равно когда-нибудь уйдем в небытие. Что говорит нам Зенон? «Никакое зло не является славным; но смерть славная; следовательно, смерть не есть зло»¹⁶. В этом и заключается главный секрет спокойствия античных героев: не воспринимать смерть злом или добром, а смотреть на нее, как на нечто неизбежное.

¹⁶ Веннер Д. Самурай Запада. Настольная книга непокоренных. Тотенбург, 2017 г.

Отчасти именно это и предлагает А. Камю. В противовес тем, кто предпочитает смотреть, но не видеть, он создаёт образ человека абсурда, который не сбегает от бессмысленного мира в свою реальность, а старается жить по-человечески, вопреки абсурду, жить с осознанием того, что наше существование иррационально. Об этом «Миф о Сизифе». Философ называет Сизифа героем абсурда не просто так: он презирал смерть, пренебрегал желаниями богов и в конце концов оказался обречен на абсолютно бессмысленную работу: катить в гору тяжелый камень, который вечно будет скатываться вниз. Но до тех пор, пока Сизиф продолжает спускаться вслед за ним в долину и поднимать его на вершину, он возвышается над своей судьбой, поскольку он осознает, что происходящее не имеет смысла, но продолжает делать. Сизиф Камю не имеет надежд, не возлагает на судьбу и богов ответственность за свое существование. В каком-то смысле, считает философ, Сизиф счастлив, оставшись один на один с камнем, который он катит на гору.

Мы рассмотрели две противоположных позиции относительно самоубийств. Это позиция осуждения, высказанная Достоевским и Камю и позиция принятия, даже некоего восторга, которую демонстрируют стоики. В обществе отношение к самоубийству не менее двояко. Кто-то через самоубийство демонстрирует уважение и восхищение, как Карамзин в «Бедной Лизе», кто-то, подобно Данте, презрение, неприятие, страх. Тема суицида всегда была в обществе если не табуированной, то, как минимум, пугающей, о которой не говорили, как о чем-то обыденном. А поскольку что в прошлом, как рассказывает Камю, самоубийство часто приравнивали к сумасшествию, что сейчас эта тенденция никуда не ушла, то зачастую люди боятся говорить об этом открыто, признавать то, что они не в порядке. Отчасти для этого нам и нужно искусство, затрагивающее тему самоубийства, чтобы продемонстрировать, как может пойти жизнь и что в таком случае может решить сделать человек. И в данной ситуации стоит обратить внимание на изображение, на уже упомянутые коды, которые мы воспринимаем, на информацию, которую мы можем, сами того не замечая, сортировать и

отбирать так, как нам удобно, ища знаки там, где их нет. Что точно в этом отношении отличает современную литературу для подростков от классики – в классической литературе с самоубийством не играли беззаботно, как с чем-то простым, это в большинстве случаев страшно, обоснованно, тяжело. Времена изменились, и теперь, стремясь обратить на себя внимание, творцы делают ставку на неокрепшие эмоции своей целевой аудитории, закладывая в их головы не очень правильное легкое отношение к уходу из жизни. Ни в «13 причин почему», ни в «50ДДМС» герои не обращаются за помощью ни к кому, кроме друзей, а если и доходят до психолога, то это не помогает.

В конце концов, как нам быть? Бояться ли самоубийства, убирая его из каждого кадра, абзаца, из каждой фотографии или картины? Я думаю, что нам стоит поучиться у стойков спокойствию и бесстрашию в таких вопросах, ведь среди нас всегда будут те, кто предпочтут не воспринимать тяжесть жизни стоически. Но не бояться – не значит оправдывать, потому что человек в здравом уме, решившийся на такой отчаянный шаг, должен испытать что-то ломающее, калечащее, пугающее. Если вовремя не обнаружить проблемы и не предложить помощь, может стать поздно. При появлении суицидальных мыслей нужно не бояться просить поддержки, потому что это может быть симптомом болезни, а не проявлением слабости характера. Чем бы это ни было, никто не должен в такие моменты чувствовать общественный гнет. С помощью поддержки и лечения можно спасти жизнь.

Как бы то ни было, к самоубийству в обществе всегда было двойное отношение. Оно в своем развитии прошло путь от Лукреции, без страха глядящей в глаза смерти, до сегодняшнего дня, когда эта тема все еще отчасти табуирована. Большинство людей будет бояться этого всегда, но как показывают нам Камю, Достоевский и другие мыслители, духовная смерть может оказаться намного страшнее смерти физической.

Заключение

В наше время информация стала намного доступнее, чем она была ранее, а значит, ее может найти и использовать в своих целях кто угодно. В такой ситуации становится попросту страшно за детей и подростков с еще не стабилизировавшейся психикой, привыкших интерпретировать все по-своему.

В последние несколько десятилетий особенно остро встал вопрос о том, как преподносить информацию и идеи грамотно, чтобы никого не спровоцировать и не задеть. Особенно это касается освещения самоубийств, как в искусстве, так и в СМИ, поскольку люди всегда специфично реагируют на такие новости. За годы изучения «эффекта Вертера» - волн подражательных самоубийств, происходящих после освещения особенно противоречивых и громких материалов, был выработан определенный перечень требований, следуя которым можно осветить самоубийство, сведя на минимум негативную реакцию общественности.

Однако, когда дело доходит до искусства, особенно подросткового искусства, зачастую суицид преподносят не так аккуратно, что может привести к трагедии. Мы задаемся вопросом, а так ли это важно, и стоит ли беспокоиться, и получаем положительный ответ.

Рассмотрев то, как человек воспринимает искусство, согласно размышлениям У. Эко из его труда «Отсутствующая структура», мы приходим к выводу, что окружающая нас информационная среда с самого детства закладывает в нас культурно-исторические коды, согласно которым мы и понимаем искусство. «Эффект Вертера», наблюдаемый после публикаций громких материалов о суициде, лишь подтверждает эту теорию.

Но человек может решиться наложить на себя руки не только из-за подражания: как показывают нам Достоевский и Камю, духовная смерть – это одна из причин самоубийства человека. Однако если у Достоевского без веры в загробную жизнь человек теряет понимание смысла жизни, из-за этого видит ее лишь как животное стремление ко сну, размножению и еде, и в итоге

совершает «логическое самоубийство», то у Камю другой, отличный от Достоевского взгляд. Он противопоставляет мыслям Достоевского свою идею о том, что мир абсурден, как таковой, и единственный выход в данной ситуации – принять этот факт и стараться жить по-человечески. Те, кто осознают абсурд жизни, но отрекаются от этого знания, по Камю, совершают «философское самоубийство», что в конечном итоге может привести к суициду физическому.

Самоубийство все еще отчасти табуировано, а от того более опасно, поскольку иногда говорить об этом людям просто страшно. Потому запрещать изображать суицид вообще – неверное решение, которое приведет к негативным последствиям. Вместе с тем, стоит формировать в обществе здоровое к этому отношение, отчасти бесстрашное и спокойное, как у стоиков, отчасти понимающее. Тогда картины, фильмы и книги не смогут подтолкнуть к последнему шагу.

Список использованных источников

- [1] Эко У. Отсутствующая структура. Санкт-Петербург, 2006.
- [2] Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. Москва, 2015.
- [3] Суходолов А.П., Бычкова А. М. Освещение суицидальной тематики в средствах массовой информации в свете правовых ограничений и социальной значимости проблемы - Вопросы теории и практики журналистики, №4, 2016.
- [4] Новости о смерти знаменитостей увеличили число подражательных суицидов, 2018. <https://naked-science.ru/article/psy/novosti-o-smerti-znamenitostey> (последняя дата обращения: 30.05.2020)
- [5] Мурсалиева Г. Группы смерти (18+), 2016. <https://novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18> (последняя дата обращения: 30.05.2020)
- [6] Annual Report 2011 for Russian Federation, CEE/CIS, 2011. https://www.unicef.org/about/annualreport/files/Russian_Federation_COAR_2011.pdf (последняя дата обращения: 29.05.2020)
- [7] Аминов И. Самоубийства и их профилактика в России, 2018 год: основные факты, 2018. <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0823/suicide.php> (последняя дата обращения: 30.05.2020)
- [8] Роскомнадзор проверит факты из статьи «Новой газеты» о самоубийствах школьников, 2016. <https://meduza.io/news/2016/05/16/roskomnadzor-proverit-fakty-iz-stati-novoy-gazety-o-samoubiystvah-shkolnikov> (последняя дата обращения: 29.05.2020)
- [9] Достоевский Ф. М. Бесы. Москва, 2017.
- [10] Достоевский Ф. М. Дневник писателя. СПб, 2017.
- [11] Камю А. Посторонний. Миф о Сизифе. Калигула, сборник. Москва, 2018. С. 160-193.
- [12] Веннер Д. Самурай Запада. Настольная книга непокоренных. Тотенбург, 2017 г.

